

Не разгоняй туман волшебный
 Манящих, сладостных и легких образов,
 Которых общества желал бы философ
 Во хранине учебной.
 Желал бы суетно: затем, что весь их строй
 Сегодня учится в уборной
 У этой Нины непокорной,
 Которой рабствуют и пастырь и герой.³¹

Не реальные события, а порожденный ими «волшебный туман манящих, сладостных и легких образов» вдохновляют поэта. Эти слова Муравьева не только помогают понять особенности его «легкой» поэзии, но являются показательными и по той эмоциональной «сладости», которой они окрашены.

Г. А. Гуковский, внимательно проанализировавший лексические особенности стихов Муравьева, считает, что именно в них «происходит накопление этих „особенных“ слов того типа и той функции, которые будут канонизированы в качестве поэзии чувств и сердечного воображения в начале XIX столетия».³²

Можно, однако, утверждать, что в данном случае мы имеем дело не столько с поэзией чувств, сколько с поэзией сердечного воображения. Показательно, что автору подчас даже чуждо стремление стать действующим лицом, героем лирического стихотворения. Он сознательно предпочитает роль постороннего наблюдателя «сердечных тайн», которые могли бы вызвать в нем определенный внутренний отклик:

А я любил бы чрезвычайно,
 Когда бы дар позволил мой
 Входить в сердца, хранящи тайны,
 Быть зрителем минуты той,
 Как чувство новое зачнется
 Во всей невинности своей
 И сердце юное проснется
 Ко пробужденности своей.³³

Такая позиция Муравьева возможно и объясняет проникновение в его стихи темы, в общем-то мало свойственной любовной лирике конца XVIII века: нравоучительного восхваления добродетельности. В данном случае тон его «Pièces fugitives» противостоит фривольному духу французской поэзии.³⁴ Восторженное описание поэтом красоты своей возлюбленной:

³¹ Там же.

³² Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. ГИХЛ, Л., 1938, стр. 281.

³³ ГПБ, папка № 13.

³⁴ Отметим, что уже впоследствии, предъявляя требования к легкому стихотворству, Батюшков особо настаивал на «сохранении строжайшего приличия во всех отношениях» (К. Н. Батюшков, Сочинения, Изд. «Советский писатель», М., 1955, стр. 382).